

— Ох, матушка Лю, какая же вы скорая на руку и язык, — Е Саньнян хлопнула в ладоши с одобрительным возгласом, а затем повернулась к прислонившейся к изголовью кровати Цин Мянью. — Уважаемая владелица Цзинь, хозяин, у которого я служила охранником, собирается перебраться в Юньнань и велел мне поискать себе другой заработок. Слышала, в северных краях за сопровождение караванов платят щедро, вот я и задумала податься за Хуанхэ, наняться в крупное охранное агентство, да только на дорожные расходы не хватает. Здесь, в Интяньфу, я больше ни у кого и просить-то не посмею... Хозяйка с матушкой Лю могут не беспокоиться, как только я заработаю серебро, тут же отправлю человека передать деньги обратно, чтобы закрыть долг.

Лицо матушки Лю сделалось еще мрачнее.

Что еще за «больше ни у кого и просить-то не посмею»?

Да ты же воспользовалась нашей услугой, чтобы привязаться к нам пиявкой и сесть на шею!

К тому же, кто знает, берешь ты деньги займы на дорогу или чтобы спустить их в игорном доме.

Однако мысли Цин Мянью текли совсем в другом русле.

Она лишь сосредоточенно всматривалась в широкие ладони Е Саньнян с крупными узловатыми суставами и вслушивалась в ее густой, подкрепленный силой из дантяня голос.

Эта женщина владела боевыми искусствами, к тому же была местной уроженкой Интяньфу, а спасение людей и заступничество за слабых давались ей легко и непринужденно.

Что же до прямолинейных разговоров о плате и денежном займе — это лишь доказывало, что она вовсе не простофиля и не тугодум.

Такую вполне можно приблизить к себе и нанять на службу...

Цин Мянью приподняла руку и приветственно сложила ладони перед Е Саньнян:

— Госпожа Е, не буду тратить время на долгие и пустые слова благодарности, скажу лишь одно: если я позову Саньнян в наш дом охранницей, как мы договоримся насчет жалования?

Выражение угодничества и заискивания на лице Е Саньнян мгновенно застыло, а мгновение спустя сменилось неподдельным, искренним изумлением:

— Владелица Цзинь хочет... нанять меня?

Цин Мянью кивнула:

— Верно. Наш дом мал и слаб, немудрено и притеснения претерпеть, а с таким человеком, как Саньнян, и авторитета у лавки сразу прибавится. Когда я поправлюсь, мне еще предстоит попросить Саньнян обучить нас кое-каким приемам рукопашного боя. Ну а тебе не придется покидать родные места и мыкаться по северным дорогам. Выгода двойная, только вот согласитесь ли вы на ту цену, которую мы сможем предложить, Саньнян?

Е Саньнян и впрямь пришла сегодня за деньгами, чтобы оплатить дорогу, а вовсе не для того, чтобы промотать их в игорном притоне. Услышав же, что на ее голову свалилась столь удачная доля, она пришла в неопиcуемый восторг.

Женщина принялась усердно махать руками:

— Не беспокойтесь, владелица Цзинь, Саньнян много не запросит! Всего две вязки медных монет в месяц, зимой и летом по два костюма одежды, а что ест Юй Мин — то и я вместе с ней. С жильем тоже просто: та домишка для дров рядом с кухней во дворе вполне сгодится, там тепло.

Цин Мянъ прежде служила в северных войсках и в ценах столицы Интянь ориентировалась слабо. Судя по воспоминаниям о ценах за пару дней до покушения, одна вязка монет в Интяньфу позволяла купить целый ши нового риса, из чего можно было сделать вывод, что запросы Е Саньнян действительно более чем совестиы.

И все же она посмотрела на матушку Лю — не только чтобы прикинуть, насколько уместна такая плата, но и выказывая уважение старой служанке, а заодно проверяя ее нрав.

— Матушка Лю, что ты об этом думаешь? — мягко спросила Цин Мянъ.

Матушка Лю все-таки была тертой калачом служанкой, ведавшей всеми делами в доме семьи Цзинь и за его пределами. Ума ей было не занимать: она вовсе не отличалась мелочностью, но славилась проницательностью.

Она быстро сообразила, что требования Е Саньнян и вправду справедливы и такую охрану грех упускать.

Мало того что она защитит женщин от напастей, так еще и сможет присмотреть за Юй Мин, чтобы та не росла робкой черепахой, прячущей голову в панцирь.

Но раз уж старшая барышня перекинула ей слово, матушка Лю должна была ответить красиво и заодно показать свой авторитет.

Матушка Лю вздохнула, опустила чашку с кашей и произвела с серьезным видом:

— И впрямь, у нашей старшей барышни и ума палата, и сердце доброе. Если поразмыслить, приход Саньнян в наш дом — дело поистине благое. Только есть один нюанс, пусть Саньнян не пеняет мне на то, что я пользуюсь старшинством и пытаюсь тут командовать. На днях я слышала, как Саньнян упоминала фамилию своего прежнего хозяина-нанимателя. Завтра я должна наведаться в тот особняк и уладить все дела по передаче.

Е Саньнян тоже оказалась человеком открытым и прямолинейным. Едва услышав это, она сразу все поняла: от нее требовалось позволить заглянуть ей за кулисы, чтобы в дом случайно не привели волка под видом верного пса.

Отлично!

Сама она, Е Саньнян, больше всего на свете любила иметь дело с людьми со светлой головой.

Поэтому Е Саньнян тут же выразила свое согласие:

— Мы, люди наемные, служащие охранниками, лучше всех понимаем правила. Даже если бы матушка Лю об этом не заикнулась, младшая сестра сама бы попросила вас уделить время, съездить туда и расспросить тамошнего управляющего, чтобы владелица Цзинь могла быть спокойна.

Шерстка матушки Лю оказалась поглажена в нужную сторону, и выражение ее лица мгновенно смягчилось.

Цин Мянь поставила точку:

— Тогда решено.

Е Саньнян торопливо поднялась на ноги, отвесила поклоны Цин Мянь и матушке Лю, а напоследок не забыла и упершюся боками в бока Цзинь Сю у края стола — девочке она поклонилась в пояс:

— Вторая барышня, прости глупую, сболтнула лишнего. Если я впредь позволю себе завести язык невесте о чем, пусть вторая барышня накажет меня лишением жалования.

Когда такой здоровенный взрослый человек униженно признает перед ней свою неправоту, гнев Цзинь Сю рассеивается больше чем наполовину.

Девочка закатила глаза и кивнула:

— Раз моя старшая сестра тебя одобрила, значит, будешь жить у нас. Я тоже стану учиться у тебя драться.

Е Саньнян выпрямилась во весь рост:

— Непременно, непременно! Девочке обучиться приемам самообороны никогда не помешает. Хотя Интяньфу и столица, разве везде и всюду царит мир? Вон даже такая грозная воительница, как северная женщина-хоу, и та погибла прямо под боком у самого Сына Неба.

Услышав это, Цин Мянь внутренне вздрогнула, но годы выучки в разведывательных дозорах помогли ей сохранить абсолютное внешнее спокойствие.

— Какая еще женщина-хоу? — с удивлением и любопытством переспросила Цин Мянь, глядя на Е Саньнян.

Е Саньнян вовсе не собиралась устраивать погоню за сенсациями или злословить; в ее голосе странно переплетались суровость и тяжелая скорбь:

— Да та самая, что в те дни, когда старшая барышня лежала без памяти, пала от рук тайных лазутчиков северных хуцев прямо во время пира в особняке министра Мао. Она была главнокомандующим Армии семьи Цинь, одним из первых боевых хоу нашей Великой Лю. Сам министр Мао и его старший сын тоже тяжело ранены, а младшего сына они и вовсе потеряли.

Матушка Лю у постели тяжело фыркнула, подхватывая слова Е Саньнян:

— И надо же, эти двое взрослых мужиков уцелели! Какой позор для гражданских чиновников, которые даже курицу зарезать не способны, верно? Неудивительно, что в день похорон Маркиза Цинь студенты из Академии Гоцзицзянь всю ругали министра Мао последними словами, называя трусом, и требовали, чтобы император разжаловал его чин.

Цин Мянь поинтересовалась у матушки Лю:

— Разве я была без памяти так долго? Женщину-хоу не только сгубили, но уже и предали земле? Разве по уходе из жизни вельмож и хоу их тела не выставляют для прощания на семь дней?

Матушка Лю вздохнула:

— Эх, да кто же виноват, что похороны пришлось аккурат на самую жару в Интяне? Лед в ледниках почти весь вышел, а остатки увезли в Лингу, чтобы император с наследником спасались от зноя. В городе льда нет, разве убережешь тело в такую печку? Двор, должно быть, рассудил так: лучше поскорей предать женщину-хоу земле, а памятник и мемориальный парк можно достроить не спеша. Не в обиду покойной будь сказано, но позавчера, когда похоронная процессия двигалась вдоль реки, у меня аж на душе недобро заскребло — как бы она и нашу старшую барышню за собой не увлекла... Тьфу-тьфу-тьфу!

— Матушка Лю говорит так лишь потому, что считает меня близким человеком, не бери греха на душу, — утешила ее Цин Мянь и тут же спросила: — Ну а убийц-то власти поймали?

Матушка Лю покачала головой:

— Ничего об этом не слыхала, значит — не поймали. Только в официальных указах вывесили объявления, где черным по белому написано, что это дело рук лазутчиков с севера.

Цин Мянь пробормотала про себя:

— И впрямь удивительно... В таком огромном особняке министра разве не было дворовой челяди? Как вышло, что северные убийцы смогли беспрепятственно пробраться внутрь и совершить убийство?

Эти слова Цин Мянь вновь затронули сферу того, что доводилось видеть и слышать Е Саньнян.

Та поспешила поддаться ближе, чтобы рассеять ее сомнения:

— Был у меня знакомый земляк с крепкими кулаками, он служил охранником в доме министра Мао. Так по нынешней весне его вместе с другими слугами рассчитали за пару серебряных монет, объявив, что на пограничную войну не хватает денег и высокопоставленные чиновники в красных халатах должны первыми показывать пример бережливости. Когда император об этом узнал, он, наверное, на утреннем докладе похвалил министра Мао, после чего из особняков прочих сановников тоже повыгнали уйму народу.

<http://bllate.org/book/21831/2261315>